

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. Ольдерогге

Вып. XXV

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

С. А. Маретина

**РОЛЬ ПРИРОДНОГО
И СОЦИАЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ
В ЭКОСИСТЕМАХ ГОРНЫХ НАРОДОВ
ЮЖНОЙ АЗИИ**

Научное исследование конкретного этноса, в том числе социально-экономических, политических и прочих условий его существования, требует рассматривать народ в контексте географической и этнической среды, в которой он обитает, ибо каждый народ множеством нитей связан и с природной средой, и с другими этносами, что в совокупности и составляет его экологическое окружение. Между этническими и природными компонентами существует тесное взаимодействие, прямая и обратная связь, выражающаяся в ряде этнографических особенностей.

Среди многообразных форм географического ландшафта горный ландшафт относится к числу наиболее активных, воздействие которых на формирование общественно-экономической структуры этноса особенно ощутимо. Такие черты, как дробность этнического состава, консерватизм культуры, многообразие ее местных вариантов, социально-экономическая отсталость, свойственны не только горцам Южной Азии, но и большинству обитателей гор во всех регионах земного шара. К этому следует добавить специфику исторического развития: у всех горных этносов наблюдается замедленная эволюция социальных и политических форм, которые лишь в редких случаях дают начало крупным региональным этническим объединениям государственного типа; а если это и происходит, то главным образом как отклик на развитие в соседних, равнинных районах.

Для обитателей горных областей Южной Азии влияние географической среды проявляется уже в том, что сам термин «горные народы» стал выразителем не только географического их местоположения, но и уровня их этнического и социально-экономического развития. Горные народы Индии образуют особую группу, которую обозначают термином «адиваси» — букв. «первонаселенники». Они остались за пределами сословно-кастовой системы и индуизма, составляя племенную периферию развитого классового общества Индии.

Горы — не просто сложные для жизни и хозяйственной де-

тельности природные условия, но и барьер, разделяющий народы, что имеет особое значение для их судеб. Именно географическая изоляция определила отставание общественного развития горцев, оторванных от, по выражению исследователя индийских племен С. Фукса, «стимулирующих контактов» [13, с. 51]. Сами индийские ученые (С. Синха, Т. Наик и др.) считают изоляцию одним из определяющих признаков племени. Так, пишет Сураджит Синха, «племя идеально определяется по признаку его изоляции от сети социальных отношений и культурных связей с центрами цивилизации» [21, с. 3].

Изолированные на своей племенной территории, горные этносы вынуждены вести стабильное существование, будучи ограничены самой природой от внешних контактов и сколько-нибудь далеких переселений. Этнос на протяжении многих веков своего неторопливого существования адаптируется к природным условиям, от которых он еще не отделен усовершенствованной техникой и технологией и сложной системой надстроечных общественных институтов. В результате образуются стойкие экосистемы, стабильность которых поддерживается круговой зависимостью: особенности ландшафта способствуют отставанию этноса, а более низкий уровень развития последнего усиливает его зависимость от среды.

Взаимоотношения этноса и природного окружения регулируются путем адаптации. В экологических исследованиях понятие адаптации выступает на первый план: отношения этноса со средой — это и есть адаптация этноса к среде. По словам советского философа Э. С. Маркаряна, изучающего экологические связи с позиций философской науки, понятие «адаптация» выражает «фундаментальное свойство самоорганизации систем». Суть адаптации, пишет он, «в способности системы приводить себя в соответствие с изменяющимися условиями путем самокоррекции по принципу обратной связи» [6, с. 96]. Адаптация этноса к среде происходит, как правило, через общественное производство, через хозяйство, являющееся посредником между средой и общественной структурой народа, структурой, которая развивается по своим внутренним общественным законам, но реагирует на все перемены в производственной базе и условиях географической среды.

Для изолированных племенных общностей хозяйственная адаптация основывается на примитивных технике и технологии, которым соответствует и определенный тип общественной структуры. «Они поддерживают эгалитарную систему, ведомую целиком бесписьменной этнической традицией», — отмечает С. Синха [21, с. 2]. Вместе с тем экологическая адаптация на любом историческом уровне имеет не только техническую, но и социальную сторону. Люди взаимодействуют с природой с целью ее хозяйственного использования не просто как сумма индивидов, а как коллектив, связанный определенными общественными отношениями, как некий единый социальный организм. В зависимости

от того, каков этот социальный организм, человек осваивает природу по-разному. И в пределах одной ландшафтной зоны в зависимости от уровня общественного развития населяющих ее этносов можно наблюдать разные формы хозяйства [1, с. 248]. Для горных районов это и собирательство, и охота (доземледельческие, непродуцирующие формы хозяйства), и подсечно-огневое земледелие, и террасное. Круг хозяйственных вариантов, естественно, ограничен возможностями природной среды.

Каковы бы ни были формы хозяйства, практикуемые в лесах южноазиатских гор, все они могут нормально функционировать в условиях экологического равновесия с окружающей средой. При стабильности социальной системы и географической среды (а то и другое в горных условиях до нарушения изоляции изменялось крайне замедленно) сложившаяся система хозяйства превращается в устойчивую традицию и приобретает силу инерции, сохраняясь и при переселениях на новые территории (но со сходящей географией) [6, с. 90].

Экологическое равновесие обычно существует, когда нет чрезвычайных обстоятельств, нарушающих его, например при отсутствии давления извне, при постоянном оптимальном демографическом уровне, при поддержании сохранности среды, служащей объектом человеческой деятельности. Когда же естественный баланс «человек — среда» нарушается, возникает необходимость в новом приспособлении хозяйства к изменившимся условиям, в реадaptации этноса. Пример тому — ситуация у горных народов Северо-Восточной Индии: на поросших лесом горных склонах естественным типом хозяйства было подсечно-огневое земледелие, для функционирования которого необходимым условием (наряду с чисто географическими факторами, например достаточным количеством естественных осадков) является избыточное по сравнению с постоянными формами земледелия количество обрабатываемой земли на душу населения. Это условие связано с неоседлым характером хозяйства: каждый участок находится под обработкой не более двух лет, затем его оставляют, и он зарастает лесом. Снова участок расчищается под посев не ранее чем через 12—15 лет [5, с. 46]. При соблюдении сроков отдыха земли система подсечно-огневого земледелия может практиковаться, не затрагивая целостности природной среды: общество и географический ландшафт находятся в состоянии экологического равновесия.

Хозяйственная адаптация к среде очень многообразна и характерна уже для охотничье-собирательской стадии. У всех народов, у которых богатство природной флоры и фауны дает широкий простор охоте и собирательству, наблюдаются сезонные вариации экономической деятельности. Если при подсечно-огневом земледелии регулярная смена участков призвана сохранить плодородие почвы, то у собирателей и лесных охотников (например, бирхоров из Центральной Индии [9, с. 385], када-ров из Южной Индии [4, с. 118] и др.) перемещение из одного

леса в другой по более или менее определенному временному циклу призвано защитить их естественные ресурсы.

Но с нарушением оптимальных сроков — обычно это вызвано численным ростом населения и уменьшением количества земли — меняются сроки отдыха земли и качество вторичного леса, что, в свою очередь, сказывается на урожае. С дальнейшим ростом народонаселения сроки отдыха земли с каждым новым циклом неизбежно продолжают сокращаться. Таким образом, подсечно-огневое земледелие, рожденное определенной средой, перестает соответствовать этой среде. Возникает необходимость установления нового равновесия, которое связано с изменением способов и формы хозяйства, с переходом к террасному и другим видам постоянного земледелия [7, с. 161—162].

С возрастанием технической оснащенности, особенно с переходом к индустриальному обществу, происходит разрыв, иногда необратимый, первоначального единства человека и среды, общества и природы. Однако природная среда является лишь одним из компонентов того экологического окружения, к которому должен адаптироваться каждый конкретный этнос. Многие проблемы, стоящие перед этносами, не связаны с ландшафтом, но вытекают из взаимоотношений этноса с другими социальными организмами. Видный исследователь племенных структур М. Салинс писал: «К дискуссии об адаптации племен к природе я бы прибавил другую, не менее продолжительную, касающуюся отношений племен к сосуществующим обществам». К сожалению, добавляет Салинс, «эта отрасль экологических исследований оказалась в небрежении» [20, с. 44]. Контакты с этносами являются, таким образом, другой стороной экологического окружения, и эта вторая сторона не менее важна, чем первая. В подобном утверждении нет противоречия, хотя выше мы специально подчеркивали изолированность как специфическую черту горных народов. Изоляция практически никогда не бывает абсолютной. Можно на всем земном шаре насчитать единицы действительно отрезанных от всяких контактов этносов — это аборигены Австралии, часть андаманцев и папуасов, а также истребленные колонизаторами тасманийцы. Дело в том, что на континентах при всей труднодоступности лесных дебрей или горных массивов у их обитателей всегда существовали контакты разной интенсивности как с другими горными племенами, так и с населением прилежащих равнин. «За малыми исключениями, племенное население везде находится в контакте с окружающими, зачастую очень отличными от них народами, и это вовлечение в международную сферу оказывает воздействие на местную племенную организацию», — пишет М. Салинс [20, с. 44].

Изоляция вытекала в первую очередь из несовпадения условий жизни в горах и на равнине, что исключало взаимопроникновение этносов разных ландшафтных зон. Не было средств для подавления или преодоления этой несовместимости; они появились лишь с конца прошлого века. Этнопсихологические

причины в большей степени, чем чисто физическая затрудненность общения, отдаляли народы гор от других народов региона. Уже сам факт проживания племен в горных районах свидетельствует о том, что эти этносы испытывали давление со стороны более сильных групп, — как иначе объяснить их уход в неудобные горные дебри?

В специальной этнографической литературе этнические партнеры имеют различные определения: «этническое окружение» (иногда говорят «этническая среда»), «культурное окружение», «социальное окружение» [16, с. 140]. Нам кажется предпочтительным последний вариант, точнее, «этносоциальное окружение», поскольку собственно этнический фактор при контакте этносов не является определяющим; например, в ряде областей Центральной и Южной Индии и горные народности, и население равнин принадлежат к одной этнолингвистической группе. Именно социальная часть, наиболее значимая из комплекса культурных — в широком смысле этого понятия — факторов (особенно для горных народов), именно социальные различия определяют взаимоотношения горных и равнинных народов.

Таким образом, для любого этноса существуют две экологические сферы, которые эксплуатирует данный этнос: естественная (окружающий ландшафт, в нашем случае — горные леса) и этносоциальная (окружающее крестьянство, соседние племена). Причем важна и степень активности этих групп, их заинтересованность (или отсутствие такой заинтересованности) во взаимном общении.

Как же соотносятся эти две среды — природная и социальная? Как происходит адаптация этноса не только к природе, но и к другим этносам? Как сказывается этносоциальное окружение на адаптации к природному, и наоборот? Материал показывает, что между этими двумя родами связей существует определенная зависимость: чем больше изолирован народ от воздействия других человеческих коллективов, тем явственнее выступает его зависимость от природной среды — основной сферы, с которой связаны его жизненные интересы.

Однако это не значит, что с развитием внешних контактов природная среда теряет свое значение. Это в какой-то мере справедливо лишь для высшего — индустриального — уровня развития, когда человек создает новую среду — среду культурную, искусственную, отчасти заменяющую природную (при понимании культуры как того, что создано человеком в процессе его коллективной и индивидуальной деятельности, в отличие от того, что рождено природой [2, с. 44—45]). Хотя новая среда не может быть полностью свободной от условий естественного окружения, она сама занимает по отношению к последнему настолько активную позицию, что нередко приводит естественный природный мир на грань катастрофы.

Изолированные этносы, стоящие на разных этапах развития, по мере усиления внешних контактов усложняют формы экс-

плуатации природного окружения; эти формы, становясь многообразнее, продолжают играть важную роль, поскольку все та же естественная среда остается источником — хотя уже и не единственным — существования. Общая тенденция у горных народов — уменьшение географической изоляции, увеличение этнической гетерогенности, усложнение социального взаимодействия. В результате всех этих процессов весьма усложняются отношения с естественной средой.

Формы взаимодействия горного народа с другими этносами можно при всем их многообразии свести к двум основным типам: первый — когда контактируют народы, принадлежащие к одной экосистеме, второй — когда взаимодействуют этносы, относящиеся к разным экосистемам (в нашем случае — горной и равнинной).

Действительно, в рамках одной экологической системы обычно живут этносы, адаптированные к ней. Как показывают многие материалы, эта адаптация не всегда идентична: уже на стадии присваивающего хозяйства в одних и тех же условиях отдельные этнические общности подчас по-разному используют возможности, предоставляемые им природой [1, с. 249]. Живя в аналогичных условиях, отдельные, даже родственные этносы делают различные акценты на тех или иных сторонах хозяйственной деятельности; например, одни племена более искусны в ткачестве, другие — в кузнечном деле, одни выращивают хлопчатник, другие в аналогичных условиях сажают только продовольственные культуры. Это приводит к разнотипу отношений обмена недостающими продуктами, причем обмен, в свою очередь, порождает усиление специализированной хозяйственной адаптации, что способствует его дальнейшему расширению.

Но взаимоотношения природной и этносоциальной среды наиболее непосредственно проявляются при том способе адаптации к природе, который определяют как «экологическая ниша» — термин культурной антропологии, получивший в последние годы широкое распространение в этнографии, куда он перешел из сферы естественных наук. Экологическая ниша в биологии — это ресурсы, за счет которых «кормится» живой организм. Для этнографии это часть ландшафтной зоны (или подзоны), которую эксплуатирует конкретный этнос. Естественная среда обычно щедрее людских потребностей, один этнос не в состоянии полностью ее освоить, поэтому происходит стихийное распределение территории конкретной природной зоны между рядом этносов, которые развивают в ней свои специфические варианты хозяйственной деятельности. Экологическая ниша — это и пример, когда социальный и природный факторы вступают в самое непосредственное соприкосновение; это и способ адаптации к природе и друг к другу с целью более полного использования естественных ресурсов; это и действенное средство исключения соперничества при сосуществовании в одном регионе разных этносов.

Экологическая ниша как принцип сосуществования встречается у многих народов. Так, южноиндийские палайяны, охотники и собиратели, не трогают крупную дичь в своих лесах, так как им достаточно мелкой, которую они способны добывать с помощью имеющихся у них простейших орудий. Крупная дичь остается другим, более развитым охотникам, ибо они пользуются более усовершенствованными орудиями лова [9, с. 414]. Регионы, имеющие экологические ниши, обладают преимуществом перед районами с однородной экономикой, так как в них, вопервых, происходит более полное использование ресурсов; во-вторых, эта система стимулирует общественное разделение труда и вытекающий из него обмен продуктами. Весьма наглядный пример экологической ниши приводит американский этнограф Ф. Барт, рассматривающий разделение одной зоны между тремя этническими группами района Сват в Пакистане [8, с. 1079—1089].

Сват — высокогорный район, занимающий территорию долин рек Сват и Инд. Населяют его три этнические группы: патханы — оседлые земледельцы, кохистанцы — земледельцы и скотоводы и гуджары — скотоводы-кочевники. Из этих групп кохистанцы были древними обитателями территории, волны патханов, по словам Барта, появились здесь между 1000—1600 гг., а гуджары — не ранее чем четыреста лет назад.

Патханы — народ со сложным, многокастовым обществом. У них много профессиональных групп, которые обмениваются между собой специализированными услугами. Земледельцы должны производить в избытке сельскохозяйственные продукты, чтобы платить ремесленникам за их изделия. Подобная зависимость сказалась на расселении патханов: их территория доходит до определенного экологического порога, выше которого они не поднимаются, поскольку лишь в пределах этой территории они могут выращивать необходимые им два урожая в год. Почвенно-климатическая граница остановила продвижение патханов.

Для кохистанцев, тоже являющихся земледельцами, такого порога не существует. Они занимаются плужным земледелием, но в следующей вертикальной зоне, разбивая на склонах гор узкие, искусственно орошаемые террасы. На той высоте, где они живут, климат более суровый, чем у патханов, и можно получить лишь один урожай. Но в отличие от экономики патханов экономика кохистанцев опирается как на земледелие, так и на скотоводство. Таким образом, имея, по выражению Барта, «две стрелы в своем луке» [8, с. 1082], кохистанцы могут получать средства к жизни и в более высокогорных, неприютных для патханов районах.

Для кохистанцев их штат Сват — единый ареал, который прежде, до прихода патханов, они занимали весь; их экономика может функционировать в пределах всего штата. Для патханов в штате две вертикальные зоны, и разделяющую их линию они не могут пересечь. Таким образом, патханы и кохистанцы зани-

мают два самостоятельных культурных ареала, в которых отчетливо видимо соответствие между культурными и природными явлениями: патханы живут в широких горных долинах с жарким климатом и кустарниковой растительностью, кохистанцы — в высокогорных областях с суровым климатом и хвойной растительностью.

Гуджары, проживающие в районах расселения и патханов и кохистанцев, практикуют две модели экономики — отгонное скотоводство и кочевое скотоводство. Но на территории патханов гуджары живут повсеместно, а на кохистанской — только в западной половине. Это объясняется тем, что между гуджарами и патханами установились разные по форме симбиотические связи. В многокастовое общество патханов гуджары включаются в качестве специализированной профессиональной касты пастухов. Социально они интегрированы в общину на положении зависимых (клиентов). Гуджары пасут патханские стада в принадлежащих патханам горах, используемых последними только как источники для добывания топлива. За выпас скота гуджары получают от патханов определенную плату. Вокруг своих летних лагерей гуджары засевают поля. Так произошло потому, что патханы, политически господствуя на территориях, охватывающих и склоны гор, не могут их эффективно использовать экономически: оставалась незанятой экологическая ниша. До прихода патханов эту нишу заполняли кохистанцы — им тоже нужны были пастбища; пришедшие патханы, оттеснив кохистанцев, сами не заняли эту нишу, и ее постепенно заполнили гуджары.

Интересно, что две группы — кохистанцы и гуджары — эксплуатируют одни и те же ресурсы, занимают одну нишу и при этом между ними нет соперничества. Причина такого мирного симбиоза — различие географических условий их территорий: восточная часть — долины Инда и его притоков — более низкая, западная — долина Свата — имеет более высокий рельеф. Эта разница отражается на хозяйстве: кохистанцы, пришедшие раньше гуджаров, осели в более низкой и, следовательно, более мягкой по климату долине Инда, где поддерживают свое существование круглый год, сохраняя в том числе и свои стада (зимой — с помощью земледелия и зимних кормов). Долина Свата, с более суровыми условиями, была занята позднее пришедшими гуджарами.

Если оказывается, что разные этнические группы могут полностью эксплуатировать одни и те же ниши, то этнос более сильный в экономическом и военном отношении в конечном счете вытеснит более слабый. Если более слабая группа лучше приспособлена к тому, чтобы использовать окраинное окружение, т. е. ее уровень экологической адаптации достаточно высок, группы могут сосуществовать в одном районе, как, например, кохистанцы и гуджары.

Этнографические материалы по Южной Азии показывают,

что ситуация обычно складывается так, что автохтонное население занимает наиболее удобные для него зоны. При приселении других этнических групп могут быть различные варианты — в зависимости от соотношения хозяйственного и политического потенциалов. Если пришельцы смогут использовать не занятые аборигенами земли, то территории каждой из групп становятся равноценными экологическими нишами. Если же пришельцы вытеснят хозяев, то дальнейшее зависит от того, смогут ли аборигены использовать те земли, которые до сих пор оставались незанятыми. При невозможности освоить новые земли экологической ниши не возникает, просто происходит вытеснение одного этноса другим.

Нами приведен пример экологической ниши в наиболее чистом виде. Бывают примеры экологических сообществ этносов, занимающих соседние ландшафтные зоны и по-разному эксплуатирующих их. Но мы не можем в этом случае говорить об экологической нише, аналогичной описанной выше, поскольку речь идет не о подразделении единой природной зоны, а о соседних зонах. Такова ситуация с двумя народами из пригималайского района Ассама Аруначал — апа-тани и дафла. Здесь наблюдается резкий топографический контраст: среди крутых горных склонов, перерезанных обрывистыми ущельями, имеется удивительный оазис, совершенно отличный от окружающего ландшафта: это правильной формы овальная долина, окруженная поросшими лесом горами. Вся долина покрыта террасами орошаемых рисовых полей. Пожалуй, мало найдется мест, где бы так наглядно можно было наблюдать непосредственную связь природной среды с социальной структурой населяющего ее народа: высокоразвитое цивилизованное общество рисоводов апа-тани в корне отлично от полукочевых, примитивных подсечно-огневых земледельцев дафла. Как пишет исследователь апа-тани, известный этнограф К. фон Фюрер-Хаймендорф, «цивилизация апа-тани развивалась как ответ на специфические природные особенности долины апа-тани, и нет сомнения, что она не могла бы обрести свою настоящую форму ни в одной другой части района Субансири» [14, с. 4].

Если говорить о степени использования естественных ресурсов, то апа-тани сделали буквально чудеса в своей замкнутой долине: осушив болота и проведя искусственную ирригацию, они превратили долину в море рисовых полей, среди которых возвышаются отдельные сосны, рощи бамбука и фруктовых деревьев. Поскольку долина оказалась лучше всего приспособленной именно для производства высококачественного риса, апа-тани и адаптировались здесь в качестве рисоводов. Остальные продукты они приобретают путем обмена, в частности у своих соседей — дафла [14, с. 47].

Дафла, населяющие поросшие лесом и открытые травянистые горные склоны, в меньшей степени являются мотыжными земледельцами, чем скотоводами, так как обширные горные про-

странства, не обработанные под поля, служат прекрасными пастбищами для крупного и мелкого рогатого скота. Кроме продукции животноводства апа-тани получают от дафла и ряд других продуктов, например хлопок, поскольку сами апа-тани считают выгоднее выращивать на своих полях рис и не оставлять их под хлопчатник. Апа-тани и дафла образуют своего рода симбиотическое сообщество, основанное на взаимовыгодном экономическом обмене. В этом обмене апа-тани являются постоянной стороной — из поколения в поколение они остаются в своей долине, а их соседи ведут неоседлый образ жизни и периодически меняются; но кто бы ни оказывался соседом апа-тани — дафла, мири или кто-либо другой, все они однотипно адаптируются к горным условиям и поддерживают те же традиции обмена с апа-тани, в котором именно апа-тани являются инициативной стороной.

Апа-тани и их соседи — это пример этносов, максимально приспособленных к своей экологической среде, но полного использования ресурсов этой среды здесь не происходит: окружающие долину горные склоны остаются свободной нишей — сами апа-тани используют их только как охотничьи угодья, для выпаса они слишком удалены от полей. Главное же, они не нужны апа-тани, но пока не нашлось народа, который занял бы эту нишу, ведь у дафла или мири достаточно своей свободной территории в предгорьях Гималаев.

Если в описанных выше вариантах взаимодействий контактирующие группы принадлежат к одной экосистеме, то в других случаях взаимодействуют этносы из разных экосистем — это второй тип социальных связей этноса. Горные этносы испытывают усиливающееся в последние десятилетия давление со стороны равнинных народов, находящихся, как правило, на иной стадии развития, принадлежащих к иному хозяйственно-культурному типу. Приобщаясь к эксплуатации своих горных соседей, через которых они получают доступ к богатствам горных лесов, они остаются в рамках своей экологической системы. Отношение к горной среде у контактирующих этносов оказывается неоднозначным: для горцев она остается местом жительства и основным источником всех жизненных благ, для равнинного народа та же среда является чужой территорией, забота о сохранности природного ландшафта волнует его в значительно меньшей степени, ведь эта среда для него — лишь источник дополнительного дохода. В результате эксплуатация среды при участии чужих этносов приобретает хищнический характер. Более того, поскольку горные племена должны были адаптироваться к новой, чуждой для них социально-экономической системе их равнинных партнеров, то изменилось в какой-то степени и их отношение к родному для них ландшафту: оно стало менее бережным и более прагматичным.

Горные народы во все времена так или иначе ощущали присутствие равнинных соседей. Ведь и сами племена являлись

периферийными только при условии наличия развитых цивилизаций. Факт сосуществования племен с развитыми классовыми обществами отличает, в частности, современные изолированные племена, даже находящиеся на неолитической стадии, от наших далеких предков эпохи неолита. Между горными и равнинными этносами, притом что их разделял труднопроходимый экологический и культурный барьер, существовали определенные отношения — и непосредственно с самими земледельческими общинами, и с государствами на равнинах. Княжества и царства, возникавшие у больших народов Южной Азии, периодически предъявляли свои права на находившиеся в их пределах или по соседству горные территории. Население этих политических систем говорило на разных языках — не только в буквальном, но и в переносном смысле, системы были практически трудносовместимы [12, с. 5].

Непосредственная экспроприация земли в прошлом не была распространенным явлением: непривычные для жителей равнин лесистые склоны не привлекали равнинных правителей, а земельная проблема у земледельцев равнин еще не была настолько остра, чтобы ощущалась нужда в этих неудобных землях. Так что деспотические правители недавних времен не так дерзко рвались к земле горцев, как позже это делали просвещенные европейские колонизаторы, которые требовали уплаты налогов, узаконения — чаще всего номинального — прав на те или иные горные земли. Горцы сопротивлялись, неприязненность взаимоотношений гор и равнин становилась еще ощутимее.

Что касается трудящегося населения обеих зон, то оно было связано чаще всего довольно эпизодическими обменными отношениями, хотя иногда эти отношения носили упорядоченный характер. Так, существовали своеобразные симбиотические сообщества у ряда племен южноиндийских собирателей с оседлыми соседями (у парахия [19, с. 111], бирхоров [22, с. 178] и некоторых других). Однако такого рода сообщества получают широкое распространение, как правило, позже, после нарушения изоляции горных районов. В целом же в период, когда между горами и равнинами пролегал труднопреодолимый экономический и этносоциальный барьер, контакты между населением этих зон оставались случайными и несистематическими и не сказывались сколько-нибудь заметно на экологической ситуации в горах.

Картина в корне меняется, когда приходит конец многовековой изоляции горных районов. Это было связано с развитием капиталистического хозяйства, экспансия которого, хотя и запоздалая, к концу прошлого столетия захватила и периферийные горные районы южноазиатских стран. В этот период повсеместно наблюдается интенсификация эксплуатации естественных богатств континента. Горным районам было суждено сыграть видную роль в промышленном развитии стран: они оказались важнейшим источником минеральных ресурсов, топлива (дре-

весные богатства); горные склоны были крайне благоприятным местом для плантаций чая и ряда других культур. Развитие промышленности требовало налаженных коммуникаций — стала расти сеть дорог. Барьер, отделявший в течение долгих столетий горный мир от равнин, был разрушен, горные народы оказались лицом к лицу с новым укладом: произошло соприкосновение обществ доземледельческих и раннеземледельческих с современными капиталистическими нациями [3, с. 3—5]. Между горными и равнинными этносами устанавливаются уже не эпизодические, а постоянные экономические отношения. Происходит это в разных формах — через непосредственное участие в новых для горцев видах хозяйства, через обмен и пр.

Важно отметить, что потребности капиталистического развития не считаются ни с экологией, ни с местными традициями культуры и хозяйства. Как отмечает советский этнограф Ю. В. Бромлей, в сфере традиционной хозяйственной деятельности у народов есть свои сложившиеся нормы, которые призваны обеспечивать экологическое равновесие [1, с. 255]. Действительно, к таким нормам относятся уже не только стремление соблюдать необходимые сроки севооборота, порядок смены сельскохозяйственных культур, имеющий целью сохранить плодородие почвы, но и охотничьи табу на отдельные виды птиц и зверей и растений, которым угрожает исчезновение.

Как уже отмечалось, в новых для данного народа отраслях хозяйства подобные ценностные ориентации, как правило, отсутствуют. Поэтому особенно важно обратить внимание на экологические последствия распространения на территории обитания горных народов нетрадиционных, новых для них видов хозяйственной деятельности. Прибавим к этому, что представителями индустриального общества оказались на первых порах не просто жители равнин, а чиновники колониальной администрации, меньше всего заботившиеся о сохранности природы страны, которая для них являлась только источником ценного сырья. Они не считались с интересами горцев: лесные законы, запрещавшие вырубку леса, нанесли удар хозяйственной системе горных обитателей (подсечно-огневое земледелие); вместе с тем интенсивная рубка леса для промышленных нужд лишала земледельцев и собирателей их естественной базы.

После свержения английского господства национальные правители пытаются как-то регулировать отношение этносов со средой. Но экономические процессы необратимы: горные районы уже втянуты в экономическую жизнь страны, и труднее исправить сделанное, чем с самого начала контролировать формы эксплуатации среды.

Каковы же наиболее обычные для горных районов Южной Азии формы взаимодействия народов, принадлежащих к разным экосистемам? Этот вопрос, имеющий актуальное значение для определения путей развития племен, привлекал внимание индийских исследователей и общественных деятелей. Мы хотим со-

слаться на одного из видных этнографов, Боза, который приводит следующие альтернативы, возникающие перед горцами при давлении со стороны (и при росте численности самих горцев): 1) переход в новые поселения, где есть возможность продолжать старую систему земледелия; 2) специализация культур (выращивание выгодных коммерческих культур); 3) переход (где возможно) к орошаемому земледелию; 4) проживание на старом месте, но работа по найму на орошаемых полях; 5) миграция в отдаленные места (на плантации, в промышленные центры); 6) поиск работы на фермах и в городах во время рабочего сезона [10, с. 3].

В тех вариантах взаимодействий, которые будут приведены ниже, мы хотим обратить внимание не только на перемену в хозяйстве горцев в новых условиях, но и на то, как это сказывается на природной среде. Взаимодействие с этносоциальным окружением может происходить и в условиях экспроприации со стороны жителей равнин той или иной части горной территории, и при сохранении этой территории во владении местных жителей — в любом случае природа испытывает на себе последствия отмеченных процессов.

В одном случае жители равнин физически наступают на горную территорию и изымают для своих нужд землю, оттесняя местные племена в глубинные, труднодоступные районы, где они занимаются своим традиционным хозяйством. По существу, они продолжают ту же стратегию отступления, которая в незапамятные времена привела их в горы под давлением более сильных этносов. Примером такой ситуации может служить наступление тамиллов в погоне за лесом на территории лесных собирателей — палийянов (Южная Индия) [9, с. 441]. Палийяны постепенно отступают все дальше в глубь леса. Тамиллов лес привлекает поначалу как источник топлива, следующий шаг по пути его освоения — превращение лесных территорий в плантации (в последнем случае плантации становятся местом непосредственных контактов разных этносов). Пока в рассматриваемом районе это еще не произошло, палийяны просто отходят, что позволяет им делать и наличие глубинных лесных территорий, не освоенных другими народами, и их собственная, свойственная собирателям мобильность — они мобильнее, чем земледельцы, в большей степени самообеспечиваются экономически и социально. Но тактика отступления — явление временное, есть предел для отступления, определяемый природной средой. При отходе в удаленные лесные районы народ продолжает жить в привычных для него условиях и сохраняет до поры до времени традиционные занятия, не возникает необходимость в новой адаптации к среде. Равнинный этнос подключается к эксплуатации изъятой горной территории, но не через посредство местных племен, а своими силами.

Во втором случае происходит вытеснение аборигенов из их традиционной хозяйственной системы. Подобная ситуация часто

складывается как следующий шаг после описанной выше, когда племена под давлением равнинного населения некуда отступать. По мере расширения площади изъятого у племен леса и интенсификации его эксплуатации (устройство плантаций и пр.) племена лишаются возможности продолжать свой прежний образ жизни в привычной ландшафтной зоне, они оказываются вынужденными в той или иной форме участвовать в чуждой для них системе хозяйства наступающих на них равнинных соседей. Последствия этих перемен для природной среды оказываются весьма значительными: во-первых, меняется сам ландшафт в результате сведения лесов под плантации; во-вторых, меняется форма эксплуатации горных земель, поскольку переселенцы с равнин стоят на ином уровне развития хозяйства. К этой новой форме эксплуатации земли приобщаются и сами горцы, которые уже не имеют возможности продолжать свою традиционную хозяйственную деятельность.

Такова драматическая участь многих горных народов Бихара, мотыжных земледельцев (им труднее переселиться в пределах леса, чем собирателям). В Бихаре рано стала развиваться промышленность, поэтому населяющие его племена оказались раньше и сильнее других горных народов затронуты новыми веяниями. По мере экспроприации земли под фабрики, шахты, дороги земледельцы лишались своей экономической базы. Они оказывались перед проблемой поиска средств к существованию. Часть горцев была переселена правительством в основанные для них колонии, на расстояние нескольких миль от промышленных районов. Выброшенные в мир урбано-индустриальной цивилизации, племена переживают сложный период хозяйственной переориентации и социальной дезинтеграции. Наименее адаптировавшиеся к новым условиям семьи горцев, оставшиеся без земли, ищут неземледельческих заработков. Развивается так называемый «индустриальный номуадизм» [22, с. 178—179].

В середине прошлого века началось наступление зажиточной верхушки бенгальских и ассамских земледельцев на землю санталов (Центральная Индия). Многие санталы были согнаны со своих участков. Оторванные от родной среды, они были вынуждены адаптироваться к новому социальному окружению: многие из них стали работать на плантациях в качестве кули, немалая часть пауперизировалась, что приводило к потере места на земле. Обезземеливание вело к номуадизму («вторичный номуадизм») [11, с. 6]. Гонимые Центральной Индией пополняют ряды рабочих-угольщиков [17, с. 13]. Даже отдельные народы Северо-Восточной Индии, которые дольше других не выходили за рамки своих традиционных занятий, стали заниматься отходными работами на стройках и плантациях.

Трагическим примером полной пауперизации ряда племен (джуанг, корава, каллары, лодха и др.) является их переход в разряд «преступных» племен. Лишенные нормальных условий существования, они не смогли приспособиться к чужакам-при-

шельцам, имели с ними враждебные столкновения и, утратив собственную хозяйственную базу, не сумели обрести новую [22, с. 53]. Это результат отчуждения племени от естественной среды, неспособности адаптироваться к новой социальной среде.

И в первом и во втором случае племена физически лишались своих средств существования, т. е. земли. Однако далеко не во всех районах происходила экспроприация племенной земли, но перемены захватили и их. Как только устанавливаются контакты горных этносов с равнинными, немедленно получают развитие обменные отношения, через которые ранее изолированные племена втягиваются в орбиту товарной экономики. Поскольку основной статьей обмена для горцев являются те продукты леса и предметы их труда, которые выше котируются на индийском рынке, эксплуатация леса принимает специализированный характер и становится ориентированной на внешний обмен. Особенно интенсивно этот процесс идет у наименее развитых народов — доземледельческих собирателей и охотников, которые очень активно и часто без отбора воспринимают (в первую очередь через обмен) новые для них предметы и символы культуры. Эти племена продолжают жить в своем естественном ареале и остаются бродячими собирателями и охотниками. Но меняется состав собирательства — в него входят теперь не предметы непосредственного потребления, а наиболее ценимые на рынке продукты, в обмен на которые племена приобретают жизненно необходимые продукты питания и предметы быта — то, что раньше добывалось ими в родном лесу (например, южноиндийских кадаров) [4, с. 116]. В результате принципиально меняется отношение таких племен к их естественному окружению: форма эксплуатации — собирательство — сохраняется, но, поскольку меняется состав собираемых лесных богатств, эксплуатируются другие компоненты того же ландшафта.

Главное же, естественная среда, т. е. лес, перестает быть единственным источником всех жизненных благ племени: он остается полем его деятельности, но появляется и другой важный источник существования — этносоциальное окружение племени, а именно тот равнинный этнос, с которым собиратели втянуты в обменные отношения. Социальное окружение становится вторым, столь же жизненно необходимым компонентом, как и географическая среда. Если раньше горные собиратели могли довольствоваться тем, что им давала природа, то теперь без своих новых этнических партнеров они не могут существовать. Очень важно отметить, что теперешняя зависимость кадаров, бирхоров и других лесных собирателей от леса — не пережиток прошлого, а новая адаптация к природе, дополненная адаптацией к иноэтническому социальному окружению — равнинному крестьянству.

Любопытно, что при установлении постоянных взаимовыгодных контактов с равниной у горных племен подчас наблюдается процесс, обратный описанному выше отступлению в глубь лесов:

племена из глубин леса перемещаются в пограничные с равниной участки, чтобы не потерять обменные связи. У бирхоров, кадаров и других собирателей эти связи все больше укрепляются, эпизодических походов из глубин леса на равнины становится недостаточно, отсюда — переселение в районы, расположенные ближе к оседлому населению [11, с. 4—5].

Более высокие по уровню развития, обладающие стабильными институтами, горные земледельцы в большей степени, чем собиратели, сохраняют свою хозяйственную самостоятельность. Но адаптация к потребностям обмена характерна и для них. Они также оказываются нацеленными на обмен, что находит выражение в развитии специализированных посадок коммерческих культур, которые у ряда народов имеют тенденцию превратиться в монокультуры. У большинства же племен часть урожая рассчитана на внутреннее потребление, а часть — на продажу, последняя доля постепенно растет. Например, в Мадхья-Прадеше для себя сажают маис, просо, на продажу — пшеницу и некоторые масляные культуры, у кхаси из Мегхалаи коммерческими культурами являются апельсины и картофель, для собственного потребления сеют рис, просо и т. д. [18, с. 98].

В этом случае у земледельцев, как и у собирателей, имеет место вторичная адаптация к своему естественному окружению — введение новых культур, которые пользуются спросом на рынках равнин, требует новых приемов земледелия, нового подхода к земле, к ее орошению и удобрению. В результате развития налаженного регулярного обмена (вместо прежнего эпизодического) создаются своего рода симбиотические сообщества горных собирателей и земледельцев с их равнинными соседями. В таких сообществах заинтересованы обе стороны, но жизненно важными эти связи являются прежде всего для горцев, которые теперь не могут без них существовать. Определение своего места в экономике региона (а тем самым и в экономике страны в целом) помогает горцам выжить в меняющихся экологических и политических условиях. В качестве примера реадaptации в очень сложном природном окружении можно привести шерпов, населяющих Восточные Гималаи. В этом негостеприимном районе, непригодном для земледелия, добывание средств к существованию требует сложного приспособления к среде. Раньше шерпы занимались перегонами скота, были посредниками в торговле с Тибетом. Когда Тибет стал китайской территорией, шерпам пришлось заново осваивать свой район: они стали обслуживать горные экспедиции, став в этой области монополистами. Вряд ли они сумели бы выжить, если бы не посредническая роль, поскольку их экологическая среда не допускает концентрации производственных процессов в одном месте и требует постоянного передвижения [15, с. 73]. Другой пример симбиотического сообщества с равнинными соседями — отлов и приручение бхилами диких слонов для князьков с равнины — древний промысел, который позволял им просуществовать в те месяцы,

когда они не могли прокормить себя с помощью традиционного хозяйства (земледелия).

При утрате части естественных ресурсов (это происходит либо когда та или иная группа изымает часть экологической ниши, о чем говорилось выше, либо в результате внутренних причин, например сведения лесов в ходе деятельности людей, роста численности населения и т. д.) некоторые народы или отдельные их группы переходят к новой для них системе хозяйства. Так, с уменьшением годных под обработку лесных площадей имеет место вынужденный переход от экстенсивного подсечно-огневого земледелия к интенсивному орошаемому земледелию: террасному — на горных склонах, долинному — там, где это позволяет рельеф. Народ остается, таким образом, на своей территории, но ее эксплуатация меняет характер. Сама хозяйственная переориентация этноса вызвана изменением ландшафта: с сокращением площадей, занятых под подсечно-огневые поля, интенсифицировалось их использование, т. е. сокращались сроки отдыха земли между двухлетними циклами ее обработки, что имело следствием постепенное обезлесение горных склонов. Изменение природной среды требует реадaptации, введения новых форм земледелия; процесс этот трудный для не подготовленных ни технологически, ни психологически к подобным переменам горцев. Переход к новым формам земледелия влечет за собой достаточно быстрое изменение и всей социальной структуры народа — переход от эгалитарной общинно-родовой структуры к обществу стратифицированному, в котором получают развитие процессы индивидуализации земельной собственности и развития имущественного неравенства.

Если смена системы земледелия, как бы непроста она ни была, получила развитие у большинства горных земледельцев, то хозяйственная переориентация лесных собирателей в границах их этнических территорий оказалась значительно сложнее. Уже в процессе наступления на южноиндийские горы (начало нашего века) колониальное правительство пыталось перевести в оседлое состояние некоторые племена собирателей и охотников (бирхоров, кадаров, ченчу и др.). Правительство Индийской Республики отводит для них специальные земли, основывает земледельческие колонии. Однако эта новая форма эксплуатации лесных земель дается племенам с трудом и далеко не всегда имеет успех. Например, попытка посадить на землю кочевых пандарамов из Кералы не привела к цели: несмотря на устроенные для них постоянные поселения, они продолжают вести полукочевой образ жизни.

Переход от экстенсивных к интенсивным формам земледелия, от собирательства к оседлому хозяйству — это новая адаптация племен к своей природной среде, новый подход к использованию ее ресурсов. Параллельно происходит адаптация к этносоциальному окружению, т. е. восприятие системы хозяйства равнинных соседей. Плужное земледелие обычно заимству-

ется теми племенными группами, которые живут на стыке ландшафтных зон — на небольшой высоте, у подножия гор, где происходит непосредственное соприкосновение двух типов культур.

Мы привели лишь наиболее характерные варианты взаимоотношений горных народов с их природным и этносоциальным окружением. Число примеров можно умножать бесконечно: фактически, каждое племя по-своему отвечает на меняющиеся условия существования и на давление других этнических групп. Как показывают материалы, там, где горный этнос имеет возможность сохранить (полностью или частично) свою территорию, т. е. свою экологическую зону, можно видеть различные формы адаптации и реадaptации к ней, зависящие, в частности, и от отношений с окружающими народами. Там же, где горные народы оказываются отторгнутыми от своей территории, имеют место уход племени, растворение его или пауперизация.

Литература

1. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981.
2. Малайско-полинезийские исследования. Сб. статей памяти акад. А. А. Губера. М., 1977.
3. Маретина С. А. Общины горных народов Индии и население равнин: социально-экономические последствия контактов. IX МКАЭН, 1973. М., 1973.
4. Маретина С. А. Социальная организация кадров.— Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческих общинах. Л., 1972.
5. Маретина С. А. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1980.
6. Природа и общество. М., 1968.
7. Пуляркин В. А. Экономико-географические процессы в сельском хозяйстве развивающихся стран. Анализ исторического опыта Южной Азии. М., 1976.
8. Barth F. Ecologic Relationship of Ethnic Groups in Swat, North Pakistan.— American Anthropologist. Menasha, 1956, vol. 58, № 6.
9. Bicchieri M. G. [ed.]. Hunters and Gatherers Today. N. Y., 1972.
10. Bose N. K. Change in Tribal Cultures Before and After Independence.— Man in India. Delhi, 1964, vol. 44, № 1.
11. Bose N. K. Some Observations on Nomadic Castes in India.— Man in India. 1956, vol. 36, № 1.
12. Burling R. Hill Farms and Paddy Fields. Englewood Cliffs, 1965.
13. Fuchs S. The Aboriginal Tribes of India. N. Y., 1973.
14. Fürer-Haimendorf Ch. The Apa-Tanis and Their Neighbours. L., 1962.
15. Fürer-Haimendorf Ch. Himalayan Traders. Life in Highland Nepal. L., 1975.
16. Hardesty D. L. Ecological Anthropology. N. Y., 1977.
17. Naik T. B. [ed.]. The Changing Tribes of Madhya Pradesh. Indore, 1961.
18. Nakane Ch. Garo and Khasi. P., 1967.
19. Prasad Rumakant. A Study in Cultural Ecology and Tribal Dynamics. Wien, 1978.
20. Sahlins M. D. Tribesmen. Englewood Cliffs, 1968.
21. Sinha Surajit. Tribes and Indian Civilization. A Perspective.— Man in India. 1980, vol. 60, № 1—2.
22. The Tribal People of India. New Delhi, 1975.